
JULIET BLACK
Нефритовая лоза
Некоторые шепоты
живут дольше смерти.
Исчезнувшая
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Juliet Black

Нефритовая лоза. Исчезнувшая

Серия «Нефритовая лоза», книга 1

https://litres.ru/72848717
SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса пытается забыть всё, что потеряла, и начать заново — тихо, осторожно, не оглядываясь назад. Пока не встречает мужчину — и между ними не вспыхивает притяжение, такое же нежное, как и опасно неизбежное.

Но вместе с ним возвращаются и кошмары. И шёпот из темноты, снова зовущий её по имени. И что-то надвигается… медленно, неотвратимо.

То, чего она пока не может понять — но от чего невозможно будет убежать.

Первая книга дилогии «Нефритовая лоза».

Продолжение — в романе «Возрождённая».

Содержание

Эпиграф	4
Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	39
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Нефритовая лоза. Исчезнувшая

Эпиграф

Нефритовая лоза – один из самых редких и удивительных цветов в мире.

Её свисающие бирюзовые соцветия напоминают струи расплавленного камня, а оттенок лепестков меняется от глубокого зелёного до почти голубого.

Цветок распускается только ночью.

В темноте он будто светится изнутри – мягким, холодным сиянием, которое завораживает и притягивает взгляд.

Говорят, нефритовая лоза сама выбирает место, где появиться.

Её невозможно заставить, невозможно приручить – можно лишь ждать, пока она решит расцвести.

Редкая.

Хрупкая.

Таинственная.

Цветущая в часы, когда мир спит.

И ещё говорят, что нефритовая лоза появляется там, где переплетаются судьбы.

«Некоторые вещи невозможно вернуть… но ещё труднее – перестать помнить.»

Пролог

Дождь падал так яростно, словно хотел разорвать кожу.

Слишком холодный.

Слишком громкий, чтобы быть настоящим.

Я бежала или пыталась бежать, ноги вязли в мокром асфальте, тяжёлом и тянущем вниз, как трясина. Каждый шаг давался с усилием, тело не слушалось и отставало от страха, который гнал вперёд.

Улица передо мной плавилась, огни растягивались в кровавые полосы, а воздух рвал лёгкие с каждым вдохом. Я бежала вслепую, спотыкаясь, сбиваясь с ритма, чувствуя, как колени подкашиваются, а сердце колотится слишком быстро, слишком громко. Дождь бил в лицо, стекал по шее, забивался за воротник, и казалось, что он хочет утопить меня прямо на бегу, прижать к земле, заставить остановиться.

Это сон…

Где-то далеко я чувствовала своё тело, неподвижное, тяжёлое. Но здесь, здесь я бежала от тени, которая шагала следом. Она не ускорялась, не спешила, просто была — неотступная, уверенная, и я знала: если остановлюсь хоть на секунду, она догонит.

Она не дышала, но я чувствовала её присутствие у затылка, холодное и липкое, скользящее по коже. Я хотела закричать, но дождь глушил мой голос, разрывал его на клочки

ещё до того, как звук успевал сорваться с губ.

И вдруг мир передо мной дрогнул…

Дождь исчез, оставив вместо себя тихий шелест.

Вокруг меня возникли цветы не сразу, не резко, а постепенно, заполняя пространство, вытесняя тьму и холод. Они окружили меня плотным кольцом, высокие, свежие, слишком живые для сна.

Запах влажной зелени ударил в нос, тёплый и густой, заставляя сделать глубокий вдох. Лепестки были сладкими, почти приторными, они касались кожи, цеплялись за пальцы, скользили по запястьям, оставляя после себя ощущение липкого спокойствия.

Розовые ранункулюсы, эвкалипт — я узнавала их без усилия, как узнают что-то слишком знакомое. Зелень хрустела под пальцами, стебли были упругими, настоящими, и от этого реальность вокруг становилась опасно убедительной.

Мягкий свет ламп заливал пространство, тёплый, рассеянный, такой, какой я сама всегда оставляла на ночь. Он не резал глаза, не давил, наоборот, приглашал остаться.

Дождь и страх растворились, отступили слишком резко, оставив после себя не облегчение, а обманчивое спокойствие, ровное, гладкое, настораживающее.

Я стояла у стойки, поправляя букет. Стебли послушно ложились на место, лента легко скользнула между пальцами, и я машинально подтянула её, выравнивая композицию.

Пальцы двигались уверенно, слишком уверенно, как ес-

ли бы я повторяла давно выученную сцену, отработанную до автоматизма.

И всё же тишина вокруг начинала густеть.

Тяжелеть.

Становилась липкой, как густой сироп. И я вдруг знала это без объяснений и логики, знала всем телом, по тому, как напряглись плечи и замерло дыхание, что где-то совсем рядом уже начинается нечто неизбежное.

Щелчок, тихий, металлический, как капля льда на кожу. Я поднимаю голову. Дверь открывается медленно, слишком медленно, чтобы это казалось реальным, как если бы кто-то намеренно растягивал это движение.

Холодный воздух потянулся по полу, медленный и настойчивый, скользнул между витрин, коснулся щиколоток и поднял край моей юбки. Ткань дрогнула, липко прильнула к коже, и я вздрогнула всем телом, резко втянув воздух. По ногам пополз озноб, не резкий, тягучий, пробирающийся вверх, оставляющий за собой пустоту.

По спине прошёл ледяной ток, слишком осознанный, чтобы быть случайным. Я замерла, не решаясь ни сделать шаг, ни пошевелиться, и в этой неподвижности вдруг поняла: воздух в магазине изменился. Он больше не был тёплым. И уж точно — не безопасным.

Огромная тень перекрыла дверной проём.

Высокий силуэт.

Плечи, заполняющие всё пространство. Широкие, непо-

движные, они перекрывали свет из дверного проёма, превращая магазин в замкнутую коробку. Тень от них легла на пол тяжёлым пятном и медленно поползла вперёд, сокращая расстояние между нами.

Шаг — и магазин стал теснее. Я поднимаю взгляд, и видение накрывает меня тёмным разливом. Глаза тёмные, глубокие.

Поглощающие свет, бездонные, затягивающие, превращающие взгляд в пленника, потому что внутри этой темноты существовала собственная, замкнутая ночь.

Дыхание сорвалось.

Пальцы разжались сами собой, сила внезапно ушла из них, букет выскользнул, ударился о пол и распался, а лепестки медленно рассыпались у моих ног, отмечая тишину мягкими, почти неслышными падениями.

– Ч… что вы здесь делаете?..

Голос вышел приглушённым, как через стекло, чужой, отдалённый.

Он закрыл дверь.

Щелчок защёлки прокатился по комнате эхом, хотя комната была крошечной.

Он шагнул ближе. Не резко, медленно, сокращая расстояние так, что каждый сантиметр ощущался почти физически. Пол под его ботинком тихо скрипнул, и этот звук прозвучал слишком громко в застывшей тишине.

Воздух вокруг стал тяжёлым, глухим, осел на плечах, сда-

вил грудь, заставляя дышать осторожно, неглубоко. Я почувствовала, как внутри всё сжалось, как тело само отреагировало на опасность раньше, чем разум успел что-то решить.

Я отступила назад, пока стол не упёрся мне в поясницу.

– Здесь… нет ничего вашего… – мой голос дрогнул, как тонкая нить. – Пожалуйста… уходите…

Всё вокруг потускнело.

Глаза мужчины были единственным, что оставалось слишком чётким.

– Чего вы… хотите?.. – шёпотом.

В этом месте сон дрогнул, четкость сменил туман, словно кто-то смазал края сцены.

Его ответ стал глухим, словно я слушала из-под воды:

– …услышала правду…

Воздух похолодел, стал резче, суше, и это изменение отозвалось внутри мгновенным напряжением.

Магазин стал темнее.

– Какую… правду?.. – я почти не слышала себя.

Он приближается. Не спеша, без суеты, так, как идут туда, где им уже не могут помешать. Пространство между нами сжимается, и я чувствую это кожей, дыханием, внутренним напряжением, которое становится почти невыносимым.

Шаг.

Пол тихо отзывается под его ногой, и этот звук проходит по мне вибрацией, оседая где-то под рёбрами.

Ещё шаг.

Он слишком близко. Настолько, что воздух между нами перестаёт быть пустым, наполняется его присутствием, давлением, чем-то неуловимо знакомым и оттого пугающим вдвойне.

Я чувствую запах его кожи — тёплый, мужской, густой. Он накрывает меня внезапно, сбивает с дыхания, цепляет за память, за что-то глубоко спрятанное, о чём я не должна помнить. Сердце сбивается с ритма, ладони холодеют, а тело предательски замирает, не делая ни шага, ни жеста.

Это сон, шепчет что-то внутри отчаянно, почти с мольбой. Проснись... Но сон не отпускает, держит крепко, не давая вырваться и не оставляя щелей.

Глубокий голос прошил тишину, медленно и чётко, по буквам врезаясь в грудь:

— Тебя обманывали.

Мир рванулся, изображение дёрнулось, цвета поблекли, медленно угасая, пока всё вокруг не превратилось в бледную, неустойчивую картину. Лампа мигнула.

– Что… – хрип сорвался с губ. – О чём вы…

Сон снова дрожал – как будто я вот-вот проснусь.

Но он удержал меня.

– Всё это время… тебя… обманывали…

Слова ломались на звуках, искажаясь эхом.

Не было уверенности, что он действительно это сказал или что мой сон вложил это в его уста.

Дыхание еле проходило, застревало где-то в груди, вынуж-

дая делать короткие, рваные вдохи, от которых не становилось легче.

Он достал что-то из кармана, жест замедленный, тягучий, как в воде. Пачка фотографий упала на стол, края вспыхнули белым светом.

– Посмотри…

Его голос то становился ясным, то терялся в эхо, как радио на плохой частоте.

Наклонилась не сразу, тело сопротивлялось, тянуло назад, цеплялось за остатки равновесия, за иллюзию того, что можно не видеть. В шее потянуло, мышцы сжались, и это движение отдалось тупой болью где-то между лопатками.

Опустила взгляд. Медленно, через усилие, через внутренний протест, который бился в груди слишком громко, чтобы его игнорировать.

И увидела…

Фрагменты. Разорванные, несобранные, вспыхивающие и гаснущие, как обрывки чужого сна, в который меня втягивали насильно. Кадры, которые не могли быть правдой, слишком резкие, слишком телесные, — но и ложью они быть не могли..

Прикосновения.

Силуэты.

Тени, которые будто жили своей жизнью.

Сердце сорвалось, резко ушло в бешеный, сбивчивый ритм, ударяясь о рёбра так, что на мгновение стало трудно

удержаться на месте.

– Это… подделка… – слова рвались сквозь зубы. – Это всё… ЛОЖЬ…

Он сделал шаг.

– Не подходите!!! – крикнула я и сон дрогнул от удара голоса.

И тут всё сорвалось, магазин исчез, цветы, лампы, стол, всё распалось и исчезло, растаяло прямо перед глазами, оставив после себя пустоту, в которой больше не было ни формы, ни границ. Остался дождь, он обрушился внезапно, без предупреждения, смывая образы, голоса и свет, ледяной, безжалостный, режущий кожу, как лезвие.

Я бежала. Слепо, на пределе, не разбирая дороги. Подошвы скользили по мокрому асфальту, ноги разъезжались, теряя опору, и каждый шаг грозил падением.

Хватала воздух, но он не хотел входить в лёгкие, застревал в горле, царапал изнутри, превращая вдох в боль. Грудь сжимало, перед глазами вспыхивали белые пятна.

– НЕТ!!! – крикнула я и боль резанула горло. – ЭТО ЛОЖЬ!!!

Сон сжимался вокруг меня, как тёмная сетка.

– Он… он… ОБМАНЫВАЛ МЕНЯ!!! – вырвалось из груди, больше криком, чем словами, таким больным, что ноги сами подломились подо мной.

Я почти упала, ладонь ударилась о мокрый бетон стены, дыхание сорвалось, мир поплыл и в этот миг руки сильные,

тёплые, слишком настоящие для сна схватили меня сзади, притянули к себе и удержали так, словно заранее знали каждое движение моего тела.

Я взвизгнула.

Но ладонь легла на живот, уверенно, властно. Не сжала, не надавила резко, а просто остановила, лишив меня импульса к движению. Пальцы распластались поверх ткани, тёплые, тяжёлые и от этого простого касания внутри всё обрушилось сильнее, чем от боли или крика.

Дёрнулась инстинктивно, всем телом, пытаясь вырваться, но рука не сдвинулась ни на миллиметр, она держала не силой, а знанием, точным пониманием того, где проходит граница моего сопротивления.

Другая ладонь легла на плечо, фиксируя, удерживая, не давая развернуться. Большой палец слегка сместился, надавил и я замерла, чувствуя, как дыхание окончательно сбивается, как грудь поднимается слишком быстро, слишком высоко.

— Тише… — голос прорезал дождь, низкий, спокойный, не повышающийся ни на тон. — Дыши…

Это было сказано не как просьба и не как приказ — как неизбежность. Сон вокруг начал густеть, уплотняться, тянуть вниз, обволакивать, превращаясь в вязкий туман, из которого невозможно вырваться рывком.

Меня затягивало в него медленно, неотвратимо, как в липкую глубину, где сопротивление только ускоряет паде-

ние.

— Отпусти… — вырвалось из меня слабым шёпотом, больше похожим на остаток мысли, чем на слово.

В ответ он прижал сильнее. Горячая грудь упёрлась мне в спину, лишая последнего пространства, и я остро почувствовала его дыхание у уха — тёплое, ровное, слишком близкое.

Мир вокруг начал проваливаться, как тонкий лёд под ногами.

Звуки глохли.

Дождь таял.

Темнота сгущалась.

И последнее, что прорезало сон: шёпот, такой глубокий, что прошёл по коже, как холодная рука:

– Нефритовая лоза…

И я проснулась.

Глава 1

Сознание возвращалось ко мне медленно, не просто рывками, а как если огромные чёрные пласты тьмы медленно сходили с моего тела, оставляя липкий след боли и холода.

Каждое движение вперёд давалось с усилием и ощущалось как маленькая, выстраданная победа, над той частью меня, которая всё ещё цеплялась за пустоту. За тишину. За безопасную темноту, где не нужно дышать через боль, где ничего не давит изнутри и не требует возвращаться.

Я будто вытаскивала себя из вязкого слоя, сантиметр за сантиметром, и каждый такой рывок отзывался внутри тупым сопротивлением. Тело не хотело возвращаться, не соглашалось принимать вес, звук, свет. Оно помнило, как легко было просто исчезнуть, раствориться, позволить тьме удерживать меня без вопросов.

Но я двигалась. Медленно, упрямо, почти механически, заставляя себя сделать ещё одно крошечное усилие. Не потому что было легче — потому что остановиться означало снова сдаться.

И я не позволила себе этого. Сначала пришёл звук, не слова, не голоса, просто ровный гул, глухой, длинный, как если бы я лежала прямо под огромным трансформатором, и от него вибрировали даже внутренние органы, потому что звук проходил сквозь меня, а не мимо. Потом пришёл запах, сте-

рильность, медицинские растворы, холод металла, сладковатая нотка антисептика, от которой всегда подступает тошнота.

Мой желудок сжался так резко, что я едва не согнулась пополам, но тело не откликнулось, ни мышца, ни сустав. Сигнал дошёл, а движение нет, и от этого стало по-настоящему страшно. Внутри всё скрутило, потянуло вниз, к пустоте, и тошнота поднялась волной, тяжёлой и глухой.

Меня словно наполнили песком, медленно, до краёв. Он оседал в груди, в животе, в конечностях, превращая меня в неподъёмную, неповоротливую массу. Каждая попытка вдохнуть ощущалась как усилие против чужого веса.

Тело было тяжёлым.

Я чувствовала его границы, давление простыни, холод воздуха на коже, но не узнавала себя в этих ощущениях. Как если бы меня вернули не туда. Как если бы я очнулась внутри оболочки, которая знает боль и реакции, но не помнит, кто в ней живёт.

Глаза открылись сами собой, рефлекторно, и сразу стало больно, белый свет врезался, как лезвие, остро и хищно. Слёзы выступили моментально, и я зажмурилась так резко, что даже шея дёрнулась. Боль прошла, но осталась следом. Горло пересохло, я попыталась проглотить и обожглась изнутри, как от кипятка. Я попробовала пошевелить пальцами, сначала ничего, потом лёгкое дрожание, как у тонких веточек, тронутых ветром, но движение было.

И это… это дало маленькую искру надежды.

Рядом кто-то резко вдохнул. Не просто звук – резкий, хрупкий, нервный, как если человек слишком долго не позволял себе дышать нормально.

– Алиса?..

Голос, мужской, низкий, плотный, сразу оседающий где-то внутри, сломанный тревогой. Этот голос я бы узнала где угодно, он всегда был опорой, землёй под ногами, тем, кто удерживал меня, когда мир рушился, и сейчас он дрожал.

Я моргнула снова, уже медленнее и осторожнее. Свет всё ещё резал, но теперь чуть меньше. Мир начал приобретать очертания, сначала размытые, потом чуть чётче, и постепенно силуэт рядом стал образом.

Отец.

Он сидел очень близко, слишком близко, так сидят возле тех, кого боятся потерять. Ладони сжаты в замок, пальцы побелели от напряжения, голова чуть опущена. Плечи… я никогда не видела их такими, опустившимися, тяжёлыми, словно на них висел весь мир. Он выглядел иначе, старше, не на пару лет, на десяток. Глубокие тени под глазами, слишком резкие для живого лица, выдающие усталость, которую уже невозможно скрыть. Морщины на лбу, новые, глубокие. Щетина, которой он никогда себе не позволял. Даже волосы стали серее.

Внутри меня что-то болезненно дёрнулось, сжалось тугим узлом и отозвалось глухой, тянущей болью, от которой пере-

хватило дыхание.

— Папа…? — прошептала я так тихо, что едва услышала себя. Звук вышел неровным, надломленным, и сразу же утонул в воздухе, не дойдя даже до середины комнаты. Я не была уверена, что произнесла это вслух, — скорее позволила мысли сорваться с губ, не успев её удержать.

Он поднял голову. Медленно, с усилием, как если бы это простое движение давалось ему слишком дорого. И в этот момент мне стало страшно — не резко, не внезапно, а глубоко, до холодной пустоты под рёбрами.

Его глаза были теми самыми, в которых всегда жила опора и контроль. Но теперь в них не осталось ни уверенности, ни твёрдости. Они были красными, воспалёнными, чужими.

Рядом была тётя Вера, неподвижная, настороженная, слишком внимательная к каждому моему движению. Её рука лежала на краю моей кровати и удерживала меня за край реальности. Она тоже изменилась, похудела, под глазами легли глубокие тёмные круги, взгляд стал диким, тревожным, у человека, который ни разу нормально не спал за последние недели.

И это всё – из-за меня?..

– Слышишь нас, милая? – спросила Вера. Голос дрожал. – Ты можешь говорить?

Я попыталась.

Но горло стало сухим и шершавым, забитым песком так, что любое слово застревало и резало изнутри.

— Ч… что… — попыталась я, но голос не подчинился. Звук вышел хрипом, сухим и чужим. Я сглотнула, чувствуя, как каждое движение царапает изнутри, и это усилие отозвалось болью. — Что случилось?..

Они переглянулись. Не просто взгляд — короткий, выверенный обмен, в котором не было ни растерянности, ни сомнений. Только понимание и страх, сплетённые слишком тесно. Это выглядело как немое решение, принятое без слов, как признание, к которому никто не хотел переходить первым.

Отец отвёл глаза раньше — резко, почти виновато, как если бы боялся, что я прочту ответ раньше, чем он успеет его произнести. Его челюсть напряглась, губы сжались в тонкую линию.

– Было… нападение, – произнёс он осторожно. Медленно. – На тебя.

Внутри меня что-то раскрылось, страх плотный, разливающийся изнутри и мгновенно лишающий опоры, ощущение падения, тонущего камня.

— Нападение?.. — я выдохнула это слово, чувствуя, как внутри поднимается холод и тело инстинктивно тянется вперёд.

– Да.

– Почему?..

– Алиса…

Его голос дрогнул.

Я сглотнула и почувствовала, как передёрнуло всю гортань. И тогда пришёл миг, очень короткий, резкий, вспышка, ослепляющая и вырывающая из реальности. Треск последовал сразу, сухой, резкий, разрывающий тишину на осколки, звук ударил по ушам и отозвался внутри черепа глухой вибрацией, лишая ориентации. Запах дыма ворвался следом, едкий, плотный, мгновенно забивающий лёгкие, я захлебнулась вдохом, почувствовав, как горло сжимается и отказывается принимать воздух. Крик прорезал пространство, но не мой. Я дёрнулась, вдохнула резко, почти болезненно, и тётя успела схватить мою ладонь.

– Тихо. Ты в безопасности. Ты здесь. С нами.

– Я… ничего не помню, – прошептала я. – Совсем ничего.

Паника вспыхнула мгновенно, разрушая последние остатки самообладания, грудь сдавило, дыхание стало рваным, и только одна картинка вспыхнула, яркая, живая, тёплая.

– Я помню… – я с трудом втянула воздух. – День рождения. В саду. Вы устроили мне сюрприз…

Торт… музыка…

В этот момент Вера резко повернула голову к отцу, слишком резко, слишком нервно, как если бы я сказала что-то, чего не должна была. Отец поднял руку едва заметно, но этого хватило, чтобы Вера опустила глаза, закрыла рот и прикусила губу, пытаясь удержать слова.

Я это заметила, и холод внутри стал только сильнее.

— Всё случилось после того дня, — сказал отец мягче,

чем когда-либо прежде. Его голос был приглушённым, осторожным, как если бы он боялся не столько моих вопросов, сколько собственных ответов.

Он на секунду замолчал, подбирая слова, и это молчание оказалось тяжелее любого признания.

— Это… из-за меня. Моей работы.

Холод внутри стал плотнее, собрался в узел под рёбрами.

— Они хотели… задеть меня, — продолжил он, едва заметно сжав челюсть. — Но ударили по тебе.

— Сколько… — мой голос задрожал, натянулся, как струна, готовая лопнуть. — Сколько я была… здесь?

Отец вдохнул с трудом, воздух давил ему на грудь, не позволяя вдоху быть свободным, потом поднял взгляд и посмотрел прямо мне в глаза, и в этом взгляде был целый шторм, вина тяжёлая, давящая, та, которую не прячут и не оправдывают, боль, оставившая след даже в зрачках, и страх.

— Ты была в коме, Алиса, — сказал он.

Мир разошёлся по швам. Что-то треснуло глубоко внутри, и привычная опора рассыпалась, оставляя меня на краю пустоты, где каждое следующее дыхание требовало усилия.

Свет стал слишком резким, ударил в глаза и заставил зажмуриться, вызывая острую, почти болезненную пульсацию в висках.

– Как… долго… – я почти не слышала себя. – Папа… как долго?..

Он закрыл глаза на секунду, как человек, собирающий по-

следние силы.

Потом тихо произнёс:

– Два года.

Тётя резко вдохнула – так, словно её ударили.

А я… я потеряла опору.

— Н-нет… — прошептала я, чувствуя, как голос предаёт и ломается. — Нет… нет… — слова срывались, цеплялись друг за друга, как попытка удержать реальность на месте.

Тётя наклонилась ко мне, прижимая мою руку к своей груди, как к якорю:

– Мы здесь… слышишь? Мы здесь… всё хорошо…

Но её голос шёл издалека, как сквозь воду.

Отец… он смотрел на меня слишком внимательно, слишком напряжённо, не отводя взгляда ни на секунду. В этом взгляде не было паники, но было что-то тяжёлое, давящее, от чего становилось не по себе, даже если не понимать почему.

Слова про два года повисли между нами, не находя места внутри меня. Я слышала их, понимала по смыслу, но они не складывались в целое, не становились реальностью.

Голова закружилась. Звуки начали терять чёткость, словно кто-то медленно убавлял громкость мира. Я всё ещё смотрела на отца, пытаясь зацепиться за его лицо, за голос, за что-то знакомое, но вместо опоры пришла усталость.

Тело стало тяжёлым, дыхание поверхностным, мысли расползались и исчезали одна за другой. Я попыталась что-то сказать, вдохнуть глубже, удержаться в этом мгновении, но

сил не хватило.

Сознание потускнело и мягко погасло, оставив меня в темноте.

Когда я открыла глаза во второй раз, мир уже не плыл так безумно, как раньше. Свет всё ещё казался слишком ярким, воздух – слишком сухим, а тело – тяжёлым, будто состояло из мокрого песка. Но сознание возвращалось ровнее, не рывками, а медленным, осторожным потоком.

Тётя Вера сидела на том же месте – чуть наклонившись вперёд, с руками, сложенными на коленях. И сразу, стоило мне повести ресницами, она подняла голову, будто ждала именно этого мгновения.

– Проснулась… – её голос был тёплым, тихим, бережным. – Как ты, родная? Как чувствуешь себя?

Я попыталась вдохнуть глубже, но лёгкие тут же сжались неприятной тяжестью. Горло дернуло сухостью, мышцы подрагивали так, словно я перенесла долгую, изматывающую лихорадку.

– Как… в тумане, – выдавила я хрипло. – Я всё ещё ощущала себя застрявшей где-то между сном и… и реальностью.

Тётя кивнула, мягко, как гладят по голове ребёнка.

– Это нормально, милая. Это пройдёт. Твоё тело только просыпается.

Она говорила так спокойно, как человек, хранящий в себе ответы на все вопросы мира.

Но внутри меня уже нарастало то, с чем я не могла при-

мириться.

– Я всё равно… не понимаю, – прошептала я. – Как… как могло пройти два года? Как можно уснуть после дня рождения… и очнуться сейчас? Это же… это же невозможно…

Тётя на секунду прикрыла глаза – коротко, как человек, который собирается коснуться чужой боли.

– Возможно, Алиса, – сказала она очень мягко. – После сильной травмы мозг может блокировать всё ужасное. Закрыть. Убрать. Перевернуть время в один миг. Люди после комы часто думают, что прошла ночь… а проходят месяцы. Годы. Это не твоя вина. И не слабость. Это просто… то, как мозг защищает нас.

Слова принимались, но не понимались.

И только через несколько секунд я нашла голос:

— А… где отец? — выдавила я, чувствуя, как внутри снова поднимается тревожная пустота. — Почему его нет?

Тётя сразу кивнула, будто ждала этого вопроса.

– Он приедет, милая, – сказала она мягко. – Как только сможет. Он… очень занят сейчас, но он обязательно приедет. Обещал.

Её голос звучал искренне, спокойно, но не натянуто – так, как говорят, когда действительно верят словам.

Я хотела спросить ещё, но взгляд сам по себе упал на окно, и там был город, и от одного взгляда на него внутри что-то не совпало. Не мой. Высотки другие, ниже, улицы шире, и от этого внутри возникло странное чувство чужого места. Небо

ближе. И воздух, даже через стекло, казался тише, спокойнее, без резкого, нервного ритма Нью-Йорка. Сердце ёкнуло.

– Это… не дом, – сказала я медленно. – Тётя… где мы?

Она слегка придвинулась, пытаясь заранее смягчить удар.

– Мы в Филадельфии, Алиса.

– Филадельфия?.. – я покачала головой, не понимая. – Почему? Почему… мы здесь, а не дома? Почему не в Нью-Йорке?

Тётя вдохнула неглубоко, но уверенно.

– Потому что здесь безопаснее. Так решил твой отец. Он хотел, чтобы ты проснулась… там, где тебе ничто не угрожает.

Резко повернула к ней голову, несмотря на слабость, и это движение отдалось тянущей болью в висках.

— Угрожает? — спросила я, почти на выдохе, чувствуя, как внутри снова напряглось всё тело. Плечи непроизвольно сжались, дыхание стало поверхностным, настороженным, организм уже готовился к бегству, даже лёжа неподвижно.

Слово повисло между нами, тяжёлое, опасное. Если оно прозвучало — значит, страх уже был рядом.

— Так значит… мне что-то грозит? — добавила я, не сразу решаясь закончить мысль. — После двух лет… опасность всё ещё есть?

Её пальцы чуть сильнее сжали мои, и этого жеста оказалось достаточно, чтобы ответ стал понятен ещё до слов.

– Да, – она сказала тихо, но честно. – За тем, что случи-

лось… стоят очень серьёзные люди. И пока отец не найдёт их – ты должна быть далеко от дома. Это вопрос твоей жизни, Алиса.

– Но… отец… – голос сорвался. – Он же тогда тоже в опасности?

Тётя не сразу ответила, отвела взгляд в сторону, а потом снова посмотрела на меня прямо и спокойно.

– Он взрослый мужчина, – ответила она мягко. – И он подготовлен. У него охрана, люди рядом, безопасность. Он сильнее, чем кажется. Не думай об этом сейчас. Тебе нельзя. Главное – ты.

Но я покачала головой, чувствуя, как внутри поднимается жёсткая, острая тяжесть.

— Я хочу знать всё, — сказала я, и мой голос оказался ровнее, чем я ожидала. В нём больше не было просьбы — только решение, к которому я пришла сама.

Я перевела дыхание и добавила, уже не отводя взгляд:

— Всё, тётя!

Она тихо вздохнула, аккуратно погладила мою ладонь кончиками пальцев.

– Алиса… врач сказал, что тебе сейчас нельзя нагружать себя. Ты слишком хрупкая после двух лет. Твой отец сам всё расскажет, как только убедится, что ты можешь это выдержать. Не волнуй себя раньше времени.

Она улыбнулась – тепло, чуть грустно.

– И мы обязательно вернём всё, что у тебя отняли. Шаг

за шагом.

Следующие три дня стали похожи на медленное возвращение в собственную кожу.

Физиотерапевты приходили утром и вечером, и каждая их процедура была испытанием. Они разминали мне стопы, поднимали ноги, сгибали руки, массировали мышцы, которые отвыкли работать. Боль была тупой, тянущей, иногда резкой, но в ней было что-то живое – тело вспоминало себя по кусочкам.

На вторые сутки я впервые сама удержала ложку.

Она дрожала так, что в руке ощущалась хрупкой и скользкой, несмотря на металлический корпус. Но я смогла донести её до губ. И тётя смотрела на меня так, как смотрят после подвига.

На третьи сутки я сделала первые шаги – медленные, почти невесомые, но настоящие.

До ванной было всего несколько шагов, но казалось, что я прошла километры, преодолев пропасть между жизнью и темнотой.

И только когда я коснулась рукой дверного косяка – слабой, дрожащей ладонью – у меня впервые действительно защипало глаза.

– Получилось… – сказала я, едва удерживая дыхание.

Тётя обняла меня за плечи, очень бережно, почти невесомо.

– Получится всё, милая, – сказала она. – Ты возвращаешь-

ся. Это самое главное.

Но внутри, под этой новой, ещё хрупкой силой, жила мысль, от которой не уйти: я хочу правду. И отец рано или поздно придёт. И тогда я её получу.

Шесть дней тянулись долго, вязко, время замерло, боясь дышать рядом со мной. Но каждый день приносил маленькую победу: я уже могла сама сидеть, не опираясь на подушки, могла поднять стакан воды и допить его без помощи. Мои движения были медленными, осторожными, как у человека, впервые попавшего в собственное тело, но врачи хвалили меня за скорость восстановления. Говорили, что это редкость – так быстро возвращаться после двух лет неподвижности.

Тётя всё это время была рядом. Она вставала, когда я просыпалась, и садилась обратно, когда я засыпала. И именно она сказала тихим, почти сорванным голосом:

– Алиса… твой отец приехал.

Дверь открылась плавно, и в комнату вошёл отец. Тётя поднялась, уступая ему место рядом со мной, но не уходя – просто отступила к стене, будто хотела дать нам пространство и в то же время не могла оставить.

Отец выглядел старше, чем в моих воспоминаниях — эти два года тяжело легли на него. Но в глазах, когда он посмотрел на меня, вспыхнуло такое облегчение, что у меня защипало в груди.

– Алиса… – он подошёл ближе, медленно, словно боялся

спугнуть то, что видит. – Ты сидишь. Ты сама… держишься. Боже… как же я рад тебя видеть такой.

Он присел на край кровати и осторожно взял мою руку. Его ладонь была горячей и уверенной, а моя оставалась тонкой и слабой, и он держал её бережно.

– Папа… – я выдохнула, чувствуя, как мышцы груди сжимаются от слишком острого чувства. – Я правда стараюсь. Очень.

Он кивнул, и в этом кивке было всё – гордость, боль, благодарность судьбе.

Мы говорили несколько минут – о восстановлении, о моих первых шагах, о том, что врачи считают прогресс феноменальным. Но внутри меня рос вопрос, который не давал покоя с первого пробуждения.

— Папа… почему я проснулась здесь? — голос дрогнул, хотя я старалась говорить спокойно. — В Филадельфии, а не дома?

Он замер.

Настолько, что даже тётя слегка подняла голову, казалось, почувствовав напряжение.

Отец посмотрел в сторону, собрал дыхание и только потом заговорил – медленно, ровно, осторожно, как человек, который понимает, что рушит то, на чём держатся мои последние силы.

– Та ночь… была страшной, Алиса. И ты имеешь право знать, что произошло.

Нападение случилось глубокой ночью. В доме было тихо. Я уехал по делам – буквально на пару часов. А ты… ты проснулась и вышла в сад. Ты всегда так делала – подышать свежим воздухом, послушать тишину.

Я ничего не помнила, но от этих слов меня пронзил слабый холод. Кожа словно помнила то, чего не давала память.

Отец продолжал:

– Напавших было несколько. Точно не знаем сколько – но двое, возможно трое. Ты не услышала их. Или… они уже ждали. Тебя ударили каким-то предметом – тяжёлым.

Его голос дрогнул – совсем чуть, но я услышала.

Тётя опустила глаза. Она стояла неподвижно, сжав руки в замок, переживая всё заново.

– Если бы Вера не спустилась ночью… – продолжил отец. – Она хотела воды. Увидела открытые двери в сад. Поняла, что что-то не так. И нашла тебя на земле. Без сознания. В крови.

У меня в горле поднялся металлический вкус, тело вспомнило что-то раньше сознания, тень, холод, тьму, воздух, который невозможно вдохнуть.

– Потом была больница, реанимация, ожидание, – сказал он, и голос его стал твёрже, как будто он заставлял себя держаться. – Нападавших так и не нашли. Ни следов. Ни записей. Ничего. Я – окружной судья, Алиса. Я перешёл дорогу многим. Я ждал угроз. Предупреждений. Давления. Но… всё было странно тихо. Слишком тихо.

Он выдохнул – тяжело, как человек, который носит правду слишком долго.

– И когда врачи сказали, что ты впала в кому… я понял одно: если они не получили того, что хотели, они могут вернуться. И тогда… я принял решение.

– Какое?.. – спросила я.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Я инсценировал твою смерть.

На секунду мне показалось, что мир провалился куда-то вниз вместе со мной, воздух стал слишком тяжёлым, слишком горячим, грудь сжалась так сильно, что я едва не вскрикнула, но звук застрял внутри и не нашёл выхода.

— Что?.. — губы едва шевельнулись, и это слово вышло почти беззвучно. Я попыталась вдохнуть глубже, но вместо воздуха в лёгкие вошла боль. — Как ты… как ты мог?..

— Я спасал тебе жизнь, — сказал он спокойно, но в этой спокойности не было ни холода, ни оправданий. Только усталость и твёрдость человека, который уже принял свой выбор. — У меня не было другого выхода. Если бы они узнали, что ты жива, они пришли бы снова. Я не смог бы защитить тебя.

Я покачала головой, хотя каждое движение давалось с усилием, тело сопротивлялось самой мысли принять это.

– Ты стёр… всю мою жизнь… – слова вышли с рыданиями. – Мой дом. Друзей. Мой цветочный магазин. Всё, что было… моим.

Тётя сразу подошла ближе, села рядом и осторожно обня-

ла меня за плечи.

– Алиса… милая… это нужно было сделать. Ты уже почти умерла. Ещё раз – и тебя бы не спасли. Мы хотели только одного – чтобы ты жила.

Отец медленно положил ладонь мне на колено.

– Это временно. Я клянусь. Я найду тех, кто это сделал. И тогда ты сможешь вернуть всё, что потеряла.

Я всхлипнула и зажмурилась, пытаясь остановить это, спрятаться хотя бы внутри себя, но слёзы всё равно прорвались и потекли, горячие, неконтролируемые.

Такие, от которых болит уже не тело – а сердце.

– Папа… а ты? – спросила я с трудом. – Ты тоже в опасности…

Он криво улыбнулся – уставшей, горькой улыбкой.

— Я не могу исчезнуть, Алиса. Это было бы слишком подозрительно. Если я пропаду, это только разозлит их. Я должен найти виновных, — сказал он после короткой паузы, и в этих словах не было ни гнева, ни сомнений, только решение, принятое давно и без права на отступление.

Он смотрел не на меня — куда-то сквозь, туда, где уже выстраивалась цепочка действий, имён, шагов. Туда, где не было места слабости. Я вдруг ясно поняла: для него это не просто обещание. Это долг, который он взял на себя, зная цену.

Он помолчал и добавил тише, но жёстче:

– Поэтому вы с Верой получили новые фамилии. Новый

дом. Новую жизнь. Безопасную.

— А ты… — я замялась, собирая остатки сил, и посмотрела на него. — Ты… будешь приезжать?

Его глаза чуть смягчились.

— Нет, дочка. Это слишком опасно. — Он произнёс это без нажима, без попытки смягчить или обмануть, просто констатировал факт, такой же непреложный, как тяжесть в груди и пустота, которая начала медленно расползаться внутри меня. — Но я буду звонить. Редко. Осторожно. Но я буду.

Слова ударили в грудь сильнее, чем всё, что было сказано до этого.

Он посмотрел на часы – и я поняла, что время закончилось.

– Мне пора ехать. Нам… надо попрощаться.

Тётя всхлипнула тихо, отвернувшись.

Я потянулась к нему, и он сразу наклонился ко мне, обнимая крепко, всем телом, всем сердцем, как если бы боялся, что это наш последний раз.

– Я люблю тебя, – сказал он, прижимая меня к себе. – И всё, что я сделал… я сделал ради того, чтобы ты жила.

Когда отец вышел и дверь мягко щёлкнула, палата изменилась. Свет стал холоднее, воздух – тяжелее, стены – дальше. С ним, казалось, ушла часть моего мира.

Месяц – слово короткое, но когда живёшь его в больничных стенах, он становится густым, вязким, как туман.

Каждый день похож на другой, и всё же – каждый приносит маленькие, почти незаметные, но важные шаги вперёд.

Первые две недели были как бой, с телом, с болью, с собственным страхом. Я училась стоять дольше трёх секунд, не теряя равновесия, поднимать ноги выше, чем на десять сантиметров, ходить по комнате, сначала держась за каталку, потом за руку физиотерапевта, потом уже сама, с дрожью в коленях. Иногда я просыпалась от боли в мышцах, кожа казалась тесной, боль невыносимой. Иногда от усталости не могла говорить. Иногда просто лежала, уставившись в потолок, пытаясь поверить, что это всё — моё настоящее.

Тётя Вера была рядом, она стала моим воздухом, мягким, внимательным, тихим. Она приносила еду, помогала собирать волосы в хвост, поддерживала меня под локоть, когда я делала первые самостоятельные шаги по коридору, и каждый раз улыбалась так, словно я совершала невозможное.

А отец…

О нём я думала особенно часто, даже когда старалась не думать вовсе. Он всегда был для меня больше, чем просто родитель. Том Холл, окружной судья, человек, о котором в городе говорили с уважением и осторожностью. Не продажный, не мягкий, не тот, кто закрывает глаза ради выгоды. Он никогда не брал взяток, никогда не делал сделок со злом, сколько бы это ни стоило ему нервов, сна и личной безопасности.

После смерти мамы – а я тогда была совсем ребёнком, ед-

ва семи лет – отец стал для меня всем: и опорой, и законом, и домом. Он учил меня тому, что справедливость должна стоять выше страха, что слабых надо защищать, что молчать ради собственной выгоды – самое грязное предательство.

И, может быть, именно за это когда-то и поплатились мы обе.

Теперь он звонил редко – всего два раза за месяц.

Но каждый раз его голос звучал так, будто он держится из последних сил, но всё равно старается быть для меня тем самым – сильным, спокойным, несгибаемым.

А в каждой фразе сквозило одно и то же:

– Ты сильная. Ты справляешься. Я горжусь тобой, Алиса.

Я знала, что за этим голосом – опасность, которую он скрывает.

К концу месяца я уже могла сама умываться и переодеваться, медленно, но самостоятельно спускать ноги с кровати, проходить по коридору без опоры. Иногда ноги подкашивались, иногда дыхание сбивалось, но каждый раз я ловила себя на одной и той же мысли: я жива. Я здесь. Я иду.

Выписка наступила неожиданно быстро, словно врачи решили, что дальше мне нужно учиться жить вне этих стен.

Вера помогла собрать вещи — их было немного: пару смен одежды, письмо от психолога, рекомендации по реабилитации. И конверт от отца — толстый, важный, с документами. Я раскрыла его прямо в палате. Внутри были новые паспорта, новые страховки, новые банковские карточки.

Моя новая фамилия — Алиса Грант. Тётя — Вера Грант.

Я смотрела на эти документы и думала, как странно легко бумага стирает прошлое. Один штамп. Одно имя. И ты — уже другой.

В дом нас привезли вечером — в тот самый промежуток между золотым светом и началом сумерек, когда город становится мягким, как ткань.

Дом оказался тихим, светлым, аккуратным, не большим и не маленьким. Но самое главное — сад. Он был ровно таким, какой я всегда любила: зелёный, ухоженный, живой. Отец выбрал место, где мне будет легче дышать.

– Он знал, – тихо сказала Вера, поднимая чемодан на крыльцо. – Ты же любишь цветы. Он хотел, чтобы здесь тебе было спокойно.

Шагнула в дом осторожно, всё ещё чувствуя слабость в коленях. Воздух пах деревом и чем-то новым, чистым. Здесь не было ни одного воспоминания, ни старых фото, ни моих вещей, ни следов прошлой жизни. Но, странно, именно это давало ощущение свободы, свободы начать заново. Мы разложили вещи, Вера заварила чай, и долго сидели молча, она на кухне, я в гостиной, глядя на сад через стекло. Мой новый дом. Новая фамилия. Новая жизнь, которую я не просила, но должна принять.

Когда стемнело, я вышла в сад. Ноги чуть дрожали, но я всё равно пошла, медленно, осторожно, чувствуя под ступнями мягкую землю. В груди открылось что-то новое. Посе-

редине рос куст белых роз, аккуратный, чуть растрёпанный после ветра. Я осторожно коснулась лепестка, ощущая его тонкую, прохладную поверхность под подушечками пальцев, он был прохладным, живым, настоящим. И в этот момент, среди чужого города, нового имени, пустого сада и тишины, которая казалась бесконечной, я вдруг поняла, я буду жить, я обязана жить, я не дам тем, кто забрал у меня прошлое, забрать и будущее.

Глава 2

Полгода — странный срок, вроде достаточно, чтобы привыкнуть к новому городу, новому дому, новому имени, и всё равно иногда я просыпалась так, словно с той ночи прошёл один долгий, нескончаемый миг.

Сон разорвался резко. Сначала была темнота, густая, вязкая, тяжёлая, заполняющая всё вокруг и не оставляющая ни малейшего просвета, ни намёка на выход. Потом появился звук, сначала далёкий, потом ближе. Чей-то крик, рваный, надломленный, полный боли, разорвал темноту и тут же был перекрыт глухим, тяжёлым ударом, ещё один, сдавленное дыхание, снова крик, резкий, пронзительный, вырывающийся и тут же тонущий в пустоте. Никаких лиц. Никаких рук. Никаких чётких картинок.

Только ощущение, что меня одновременно нет и слишком много: сердце стучит, как чужое, воздух не проходит в лёгкие, а внутри растёт тот самый старый, липкий ужас.

Рывком села в постели, хватая воздух, и несколько секунд просто слушала тишину спальни. Тёмный прямоугольник окна, слабый силуэт шкафа, знакомый рисунок штор – всё было на месте.

Провела ладонями по лицу, стирая липкий пот с висков, пытаясь вернуть контроль над дыханием.

– Не надо. Не вспоминай. Не лезь туда.

Я знала: если дать себе шагнуть ближе к этим обрывкам – треск, свет, крик, – меня утащит обратно, в тот сад, в ту ночь, в то, что организм так старательно запер.

И я… не хотела.

Глубоко вдохнула, медленно выдохнула, отбросила одеяло и опустила ноги на пол. Холодный ламинат отрезвлял лучше воды. Тело уже не было чужим – оно подчинялось, иногда ворчало болью в мышцах после длинного дня, но было моим.

Тёплая вода всегда была моим спасением. Она смывала остатки кошмаров, возвращала в настоящее. Я стояла под душем дольше, чем обычно, пока дыхание не стало ровным, пока сердце не перестало биться в горле.

Вера не должна этого видеть, ей хватило ночей у моей больничной койки, хватило взглядов врача, хватило слов «кома» и «прогнозы». Кошмары — это то, с чем я могла справиться сама или хотя бы сделать вид, что справляюсь.

Вытерлась, собрала волосы в небрежный хвост, позволив нескольким светлым прядям упасть на лицо. Накинула мягкие домашние штаны, свободный свитер и только потом подняла взгляд на зеркало.

Оттуда на меня смотрела девушка… та же и не та.

Светлые волосы стали чуть тоньше, будто за время неподвижности потеряли часть своей прежней густоты. Скулы – острее, линии лица – тоньше. Я похудела, стала хрупче, чем когда-либо. Но глаза… мои голубые глаза, те самые, про ко-

торые отец всегда говорил, что я похожа на ангела, – всё ещё были яркими. Живыми. Упрямо цеплявшимися за жизнь.

«Ты как светлый ангел, Лис,» – повторял он когда-то, поправляя мне выбившуюся прядь. – «Ты у меня вся из света».

Коснулась отражения пальцами, ощущая лёгкую дрожь под кожей. Два года, целых два года я лежала в коме, без времени, без мыслей, без себя. Потом больница, месяцы восстановления, Филадельфия, и вот теперь уже почти полгода в этом доме, в этой новой жизни, в этих новых попытках научиться дышать без прошлого.

– Мне двадцать восемь… А ощущение, что кто-то просто выключил свет на огромное время, а потом включил обратно.

В зеркале я всё ещё выглядела уставшей, глаза были чуть красными после сна, но я была живой, и этого сейчас было достаточно, более чем. Я глубоко вдохнула, отвела плечи назад и тихо сказала себе:

– Спустись. Продолжай жить.

И направилась вниз – туда, где начиналось моё утро.

Из кухни тянуло запахом кофе и тёплого хлеба, и этот аромат всегда напоминал мне о доме в Нью-Йорке: о тех утрах, когда я заезжала к Вере перед сменой в магазине, а она заставляла меня хоть что-то съесть. Только теперь этот дом стал нашим общим.

Вера уже накрыла на стол. При виде меня её лицо сразу смягчилось.

– Доброе утро, родная, – она повернулась ко мне, ставя кружку на стол. – Как спалось?

Я опустилась на стул, чувствуя, как тепло кухни медленно выталкивает остатки ночного холода.

– Нормально, – сказала я, чуть улыбнувшись. – Просто утро. Чуть тяжеловато проснуться – и всё.

Она всмотрелась внимательнее, словно проверяла, не вру ли я. Потом всё-таки кивнула, не задавая лишних вопросов, и села напротив.

Мы ели какое-то время молча: тосты, омлет, кофе. Тишина была уютной, не давящей. Но мысли внутри всё равно перекатывались, не находя покоя.

– Тётя… – я отложила вилку и подняла на неё взгляд. – Ты не скучаешь по… дому? По своему. По тому, настоящему.

Её лицо на секунду изменилось – будто поверх привычной мягкой маски всплыло что-то старое, глубоко спрятанное.

– Знаешь, Алиса… – Вера сцепила пальцы, положив кисти на стол. – Когда Ричард умер… дом перестал быть домом.

Имя дяди Ричарда отозвалось во мне сразу. Я помнила его смех, громкий, заразительный, его вкусные, нелепо сладкие блинчики по выходным, его манеру подмигивать мне, когда Вера делала вид, что ругается.

Он всегда казался тем, кто умеет делать воздух лёгким.

– Я помню, как он гонялся за мной с мокрой губкой, – улыбнулась я невольно. – И как притворялся, что не умеет завязывать галстук, чтобы ты каждые выходные его спасала.

На лице Веры появилась та самая улыбка – с оттенком боли, но тёплая.

– Да, – ответила она. – Это всё было. И после того, как его не стало… стены остались, а дом ушёл вместе с ним.

Мы с ним жили хорошо. Счастливо. Хотели детей, но Бог так и не дал. И когда он умер, я много лет жила не ради себя.

Она перевела взгляд на меня, и в этом взгляде было слишком много.

– А потом ты выросла. Со своими идеями, цветами, планами, этой вечной беготнёй, – Вера мягко коснулась моей руки, улыбнувшись теплом, которое бывает только у тех, кто любит по-настоящему. – И я впервые за долгое время снова почувствовала… смысл. Ты знаешь это. Ты для меня как родная дочь, Алиса. Я именно там, где должна быть.

Глаза неожиданно защипало.

– Но всё равно… твой дом, твоя жизнь… – голос мой стал тише. – Из-за меня тебе пришлось всё бросить. Переехать. Жить под чужой фамилией.

Вера чуть покачала головой.

– Дом – это не стены, Алиса. Это люди. Пока ты рядом – я дома. А прошлое… оно всё равно со мной. – Она легонько коснулась груди. – Здесь. И Ричард, и смех, и наш сад. Я ничего не потеряла. Просто… поменяла декорации.

– Спасибо, что ты со мной, – сказала я. – Одна я бы не вытянула всё это.

– И не придётся, – серьёзно ответила тётя. – Со мной –

нет.

Она дала мне ещё несколько секунд тишины, а затем, как всегда умела, мягко перевела разговор туда, где было больше жизни, чем боли:

– Ладно, хватит о грустном. Расскажи лучше, как там твой цветочный рай. Вчера ты вернулась такая уставшая, что я и спросить не успела.

– Цветочный рай… красиво звучит, – пробормотала я. – Магазин… хорошо. Честно, хорошо. Хотя первые месяцы я думала, что у меня сердце остановится где-нибудь в банке.

Вера усмехнулась.

– Опять про документы?

– А ты как думаешь? – я закатила глаза, но без злости. – Когда я оформляла аренду, подписывала договоры, открывала счёт… мне каждый раз казалось, что кто-то посмотрит на паспорт и скажет: «Холл? Какая ещё Грант?»

– Алиса, – Вера не удержалась от смешка, – ты же знаешь: если Том за что-то берётся, там всё чисто. Твой отец не из тех, кого можно подловить на мелочи. Он всю жизнь по закону живёт – он не допустил бы ни одной дыры в нашей легенде.

– Знаю, – кивнула я. – Но всё равно… В первый раз, когда я зашла в банк, руки дрожали. В первый раз, когда заполняла бумаги на магазин – у меня ладони были мокрые. Я думала, что уроню ручку и меня сразу вычислят.

Сейчас уже легче. Намного. Но иногда всё равно ловлю

себя на том, что проверяю паспорт по пять раз, прежде чем куда-то его показать.

– Ты просто слишком ответственно ко всему относишься, – мягко сказала тётя. – Это не страх, это твоё «вдруг с чем-то подведу». А ты не подведёшь.

– Магазин живёт. Это главное. Он открылся два месяца назад, и место у нас… ты сама видела. Центр. Рядом бутики, офисы, кофейни. Поток людей постоянный, в обед там вообще толпа.

– И ты ближе к своим любимым цветам, – вставила Вера.

– Я без цветов не умею, – сказала я. – В Нью-Йорке моя лавка была всем для меня. Я там жила. Дышала. Мне казалось, что без неё я не смогу.

Я на мгновение задумалась, вспоминая один из недавних редких звонков отца.

– Я спрашивала у него… что с магазином. И он сказал, что закрыл его. – Слова вышли мягко, без боли, хотя раньше я думала, что это будет удар. – Он сказал, что без меня эта лавка – просто помещение. Пустая оболочка. Что она не выжила бы без своего сердца.

– И знаешь… я даже поняла его. Это была часть жизни, которая закончилась.

Я посмотрела в окно, где свет ложился на сад.

– А здесь теперь у меня свой уголок. Совсем новый. Без боли, без обязательств прошлого. Он другой… но он мой.

Я усмехнулась.

– У меня хорошая помощница. Мария. Ей двадцать три, она быстрая, с головой, и у неё какой-то врождённый талант разбираться в людях. Клиенты к ней липнут. Мы с ней уже как команда. Иногда она болтает без остановки, иногда просто молча раскладывает розы, но ты бы видела, как у неё горят глаза, когда мы собираем сложный заказ.

– Мне уже нравится Мария, – сказала Вера. – Ты стала чуть менее серьёзной, когда начала про неё говорить.

– Она… напоминает мне немного меня в двадцать, – призналась я. – Только без груза того, что мы с тобой таскаем. Лёгкая. Я рада, что она у меня есть.

Вера какое-то время смотрела на меня, а затем кивнула, довольная.

– Знаешь, что я вижу? – спросила она.

– Что? – я подняла бровь.

– Ты живёшь, Алиса. Не существуешь, не просто дышишь – именно живёшь. Работаешь, устаёшь, смеёшься, злишься, торгуешься с поставщиками, ругаешься из-за опозданий, радуешься заказам… – Она улыбнулась мягко. – И для меня это лучшее, что могло случиться после всего.

Я опустила взгляд на свою чашку, обхватив её ладонями. Внутри было ещё немного кофе, потемневшее кольцо на стенке кружки, знакомый запах.

Больше семи месяцев назад я проснулась в белой, холодной палате – и первое, что увидела, был незнакомый город за стеклом. Ни Нью-Йорка, ни моего дома. Только Филадель-

фия и новая жизнь, которую я не выбирала.

Сейчас у меня был дом, сад и магазин, где каждый день я трогаю живые стебли, слушаю шорох бумаги и чувствую запах свежих цветов. Жизнь на самом деле стала похожа на жизнь, даже если некоторые ночи всё ещё пахнут дымом и криком, и я держалась за это ощущение, как за спасательный круг.

После завтрака я поднялась к себе и переоделась – сегодня хотелось чего-то простого, лёгкого, того, что не давит на тело и не оставляет лишних мыслей на коже. Я выбрала мягкое платье до колен, чуть свободное, с тонкими бретелями. Оно приятно ложилось на плечи, не сковывало, позволило коже дышать. Волосы собрала в лёгкий пучок, оставив пару прядей у лица – в последнее время мне нравилась эта простота, будто она возвращала меня к чему-то настоящему.

На первом этаже Вера уже мыла чашки, напевая что-то тихое – старую мелодию, которую я слышала от неё ещё в Нью-Йорке.

– Я пойду пешком, – сказала я, подходя и слегка коснувшись её плеча. – Хочу пройтись, проветриться.

Вера обернулась, улыбнулась так, как улыбаются людям, которых любят бесконечно.

– Иди, родная. День хороший. Позвони, если что.

– Конечно. Люблю тебя.

– И я тебя, Лис. Всегда.

Я вышла на крыльцо, вдохнула прохладный утренний воз-

дух и ощутила, как внутри что-то распрямляется. Иногда достаточно было одного глотка свежего воздуха – и казалось, что жизнь снова возвращается в грудь.

Дорога от дома до магазина занимала около тридцати минут – не слишком долго и не слишком близко, идеальная дистанция для того, чтобы дать мыслям время разложиться по полочкам. Я шла по тихим улочкам, чувствуя, как утренний город медленно просыпается. Проезжали редкие машины, мимо проходили люди с кофе навынос, кто-то выгуливал собак, кто-то бежал на работу. Всё это – обычная жизнь, та самая, за которую я так отчаянно держалась последние месяцы.

С каждым шагом я ловила в себе удивительное, тёплое ощущение: я живая. Настоящая. У меня есть цель, есть путь, есть место, куда я иду. И да, отца рядом нет. Его голос появляется лишь пару раз в месяц, всегда короткий, немного усталый, но всё такой же родной. Но сейчас… сейчас я впервые могла признаться себе честно:

Мне хорошо.

Мне действительно хорошо.

Небо было чистым, свет мягко ложился на крышу магазинчиков, витрины отражали солнце. Я чувствовала, как в груди появляется лёгкая радость – та тихая, спокойная, взрослая, когда ты впервые понимаешь, что на самом деле справляешься. Что жизнь пусть и другая, но она есть. Она продолжается.

Когда до центра осталось несколько кварталов, поток людей стал плотнее: офисные работники, молодые пары, звонкие голоса, шорох пакетов. Я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Мой магазин стоял на углу – стеклянная витрина, украшенная свежими композициями, мягкий, очень тёплый свет внутри. Над дверью вывеска: “Lily & Bloom” – название, которое я выбирала неделю, перебирая сотни вариантов, пока не поняла, что хочется чего-то лёгкого, нежного, почти домашнего.

Замедлилась перед дверью, посмотрела на витрину – в ней отражалась девушка в светлом платье, чуть уставшая, но живая, очень живая. И я почувствовала тихую, но уверенную гордость.

Внутри уже мелькала знакомая фигура – Мария крутилась у прилавка, собирая монобукет из кремовых роз. Увидев меня, она вскинула голову, и на лице появилась её фирменная, искренняя, очень солнечная улыбка.

– Алиса! Доброе утро! – она почти подпрыгнула от радости. – Ты так вовремя, у меня тут ужасный спор с розами. Либо они сегодня не в духе, либо я.

– Доброе утро, Мария. Покажи, что они тебе сделали.

Она подняла букет, демонстрируя абсолютно идеальную, нежнейшую подборку из кремовых и белых оттенков.

– Видишь вот эту? – она ткнула пальцем в розу на уголке. – Она падает! Я её ставлю – она падает! Это саботаж.

– Это гравитация, – мягко заметила я.

– Это личная месть. Они знают, что я сегодня проспала.

Я подошла ближе, поправила один стебель, слегка расправила лепесток.

– Теперь держится. Просто чуть стебель подрезай, когда он капризный.

– Я знала, что тебе надо показать, – довольная, Мария заправила за ухо выбившуюся тёмную прядь. – Ты как волшебница. Подошла – и всё стало лучше.

– Это опыт, – я пожала плечами, но внутри мелькнуло тёплое чувство. – Что у нас сегодня по заказам?

Мария тут же схватила планшет.

– Так… четыре корпоративных заказа, два больших букета на юбилей, один свадебный на пробу – невеста обещала зайти в обед. И ещё постоянная клиентка – та, которая каждый вторник берёт тюльпаны для своей мамы. Она уже звонила.

– Хорошо. Тогда я займусь свадебным. Ты собери корпоративные, у тебя хорошо получается держать одинаковый стиль.

Мария кивнула, сияя от похвалы.

– Будет сделано, босс.

Я прошла к рабочему столу, достала ножницы, упаковку, свежие стебли. Запах зелени, влажная прохлада цветов, шуршание бумаги – всё это было моим. Родным. Тем, из чего состояла моя нормальность.

И пока я выбирала первые розы для свадебного букета, внутри появилось ощущение, невероятно важное, тёплое, почти невесомое. Да, жизнь стала жить. Не идеальная, не без страха, не без ночей, где темнота всё ещё шепчет свой прошлый кошмар, но настоящая, моя, и я собиралась её не отпускать.

День шёл спокойно – почти лениво, тёплыми волнами, в запахе свежих тюльпанов и шорохе упаковочной бумаги. Мы с Марией работали бок о бок уже пару часов, и когда последние корпоративные букеты были аккуратно расставлены у витрины, я почувствовала лёгкую усталость – приятную, как после хорошей прогулки.

– Мария, – я сняла фартук и улыбнулась. – Я сбегаю за кофе. Нам обоим нужен перерыв. Тебе что взять?

Её глаза сразу засияли.

– Латте! Большой! И что-нибудь сладкое… нет, лучше солёное… хотя… – она задумалась, поглядывая на витрину с уже собранными букетами. – Ладно, бери, что сочтёшь нужным. У меня сегодня доверие к миру на максимуме.

– Хорошо, – засмеялась я. – Вернусь быстро.

На улице было тепло, свет мягко падал на тротуар. Кафе напротив – маленькое, уютное – выдавало на полгорода аромат свежей выпечки. Я купила два кофе, выбрала пару булочек – одну с корицей, одну с сыром – и вышла обратно, удерживая бумажный пакет и два стакана в руках.

Настроение стало почти лёгким – тем самым, которое по-

являлось у меня редко, но ярко: когда мир казался простым, понятным, безопасным.

До магазина оставалось метров десять, я сделала шаг вперёд, подняла голову и врезалась в кого-то твёрдого и неподвижного, как в стену. Кофе выплеснулся рывком, горячие капли разлетелись по его пиджаку, по белой рубашке, по моим пальцам.

– О Боже! Простите! – выдохнула сразу, почти спотыкаясь о собственные слова. – Я… я правда не посмотрела, я…

Подняла взгляд, и мир на секунду сузился до этих глаз. Он смотрел на меня так, пытаясь понять, кто я, не просто оценить, прочитать.

Высокий, широкоплечий, казался созданным из линий, подчеркивающих силу. Чёрный костюм сидел идеально, подчёркивая всё, что должен подчёркивать. Волосы – тёмные, аккуратно уложенные. Лицо – резкое, благородное, отточенное. Щетина на скулах – именно та, которая идёт мужчине и добавляет опасной привлекательности.

Но главное — глаза. Яркие, выразительные, от которых невозможно отвести взгляд. В них что-то тёплое и притягательное, и они сразу заставляют сердце биться быстрее.

Он задержался на моём лице чуть дольше, чем обычно делают незнакомцы, и в его глазах мелькнуло нечто… узнающее.

Тихий «клик», который я почувствовала кожей.

Он опустил взгляд на испачканный кофе пиджак, но не

выглядел раздражённым. Скорее… казалось, его зацепило именно то, что произошло. Наш удар. Наш взгляд. Наше знакомство.

А потом снова посмотрел на меня – и эта секунда потянулась.

– Всё в порядке, – произнёс он медленно, низким, спокойным голосом, который будто вошёл прямо под кожу. – Ничего страшного.

Мне стало жарко, хотя кофе был горячим лишь секунду назад.

– Давайте… дам вам салфетку. Или… у меня в магазине есть… рядом… – я запуталась в собственных словах, чувствуя себя нелепо.

Он чуть наклонил голову, и уголок его губ едва заметно дрогнул. Не улыбка, а намёк на неё, такая, какая бывает у мужчины, который уже принял решение.

– Ведите, – сказал он.

И в этом коротком слове было слишком много уверенности, как если бы он позволил мне исправить ситуацию, и ему было интересно посмотреть, что будет дальше.

Мы вошли в магазин, и он снова огляделся – не поверхностно, а глубоко, он оценивал каждую деталь, включая меня.

Я протянула ему салфетки, он не взял их сразу, сначала сделал шаг ближе, настолько, что воздух между нами стал другим, плотным, тёплым, наполненным его присутствием.

Я почувствовала, насколько он высок, насколько широки его плечи, насколько тяжёл его взгляд, и уже потом его пальцы коснулись моих, не спеша, уверенно, как мужчина, который проверяет реакцию.

По коже побежали мурашки. Я дрогнула так заметно, что он это увидел, и я почувствовала, как в его глазах вспыхнуло что-то тёмное и внимательное.

– Спасибо, – сказал он. Голос хрипловатый, опасно спокойный.

– Мне… правда очень жаль, – прошептала я, чувствуя жар под кожей. – Это моя вина. Ваш костюм…

Он чуть наклонил голову, изучая меня, и тень улыбки, короткая, почти незаметная, скользнула по его губам.

– Костюм переживёт, – произнёс он спокойно. – Зато теперь я должен вам кофе.

Сердце у меня пропустило удар.

— Нет, я… — я запнулась. — Это я виновата, вам не нужно… — фраза оборвалась, так и не найдя продолжения.

– Я сказал, что должен, – произнёс он тихо, но так, что возразить было невозможно. – Значит – должен. И точка.

Этот голос, эта манера говорить, он привык, что мир слушается с полуслова. Он протянул руку уверенно, чуть наклонив подбородок.

– Арид.

Я вложила свою, и едва его пальцы сомкнулись на моей ладони, крепко, по-мужски, чуть жёстко, у меня перехватило

дыхание. Он держал дольше, чем положено, слишком долго.

Но я не могла отвести руку, даже понимая, что должна, даже осознавая нелепость этого жеста и собственную нерешительность.

Арид смотрел на меня так открыто, так внимательно… словно хотел прочитать каждую эмоцию.

– Алиса, – сказала я.

Он повторил:

– Алиса…

Низко. Глубоко. Так, что моё имя прозвучало почти интимно.

– Красивое имя, – сказал он. И глаза не сомкнул ни на миг.

Я попробовала убрать руку, жест получился автоматическим, испуганным, почти рефлекторным, но он удержал её ещё долю секунды дольше, чем нужно, мягко, не позволяя выскользнуть сразу, не силой, вниманием, он хотел понять, почему я отстраняюсь, проверял границу, и только потом отпустил.

Но кожа на ладони продолжала гореть так, будто его пальцы всё ещё касались меня.

Он огляделся по магазину — внимательно, без спешки.

Взгляд двигался медленно, цепко, задерживаясь на деталях, которые обычно не бросаются в глаза. Не скользил, а считывал: расстановку, свет, проходы, расстояния между витринами. Так смотрят не из праздного интереса — так понимают пространство.

Я заметила, как он на секунду задержался на выходе, потом на стойке, на углах, где тень ложилась гуще. Не оценивая красоту — проверяя порядок. Контроль. Логику.

И только после этого его внимание вернулось ко мне.

От этого стало ясно: он уже составил картину. И магазина. И меня в нём.

– Вы здесь… работаете? Или… это ваше? – спросил он, переводя взгляд на мои губы, на глаза, обратно.

– Моё, – ответила я. – Маленькое, но моё.

– Видно, – сказал он. – Место… похоже на вас.

Он склонил голову, рассматривая меня внимательнее, чем цветы.

– Среди этих цветов вы выглядите… правильно.

Он сделал паузу, не подбирая слов — они ему были не нужны. Это прозвучало не как комплимент и не как попытка произвести впечатление. Скорее как вывод, к которому он пришёл, просто взглянув.

Его голос стал ниже, мягче, теплее, обволакивающим, но в этой теплоте не было легкомыслия.

— Здесь всё на своём месте, — добавил он. — И вы тоже.

Короткая пауза. Его взгляд задержался на мне дольше, чем позволяли правила вежливости.

— Как ангел в собственном саду, — произнёс он почти шёпотом. — Не случайный. Не потерявшийся. А тот, ради кого этот сад и существует.

От этих слов у меня перехватило горло. Не от смущения

— от ощущения, что меня увидели слишком точно.

Он смотрел так, что становилось ясно: он не любуется. Он распознаёт. Сразу. Глубоко. Без желания отступить.

И от этого мне стало жарко.

В какой-то момент он медленно опустил взгляд на часы – и эта маленькая пауза показалась слишком долгой, слишком насыщенной.

– Мне нужно идти, – сказал он ровно. – Работа ждёт.

Я кивнула, но он не двинулся сразу.

Сначала снова посмотрел на меня – долгим, уверенным взглядом мужчины, который уже что-то решил для себя.

– Алиса, – произнёс он чуть ниже, – это точно не последняя наша встреча.

Сердце ударило в горло.

Он продолжил:

– Теперь я знаю, где вас найти. И кофе я вам всё ещё должен.

– Это лишнее… – начала я.

– Я уже решил, – сказал он, не меняя тона. – До встречи, Алиса.

Он вышел уверенным, широким шагом – как человек, которому не нужно оглядываться, чтобы знать, что он произвёл эффект.

Но ощущение его взгляда осталось в воздухе.

Только когда дверь тихо закрылась, за спиной раздалось:

– О-хо-хо-хо… – Мария вынырнула как из спектакля. –

Алиса. Это. Был. Мужчина.

– Мария…

– Не перебивай! Ты видела ЭТО?! Он смотрел на тебя так, будто собирался тебя… купить! И забрать! И никогда больше не отдавать!

Я закрыла лицо ладонями.

– Нет, ты не понимаешь! – она подскочила ко мне. – Если бы у его взгляда была температура – ты бы уже расплавилась!

Она свела руки у груди.

– Алиса, это было преступление страсти. Я сама чуть в обморок не упала!

Я застонала, прикрыв глаза.

– Мария… пожалуйста…

– Пожалуйста?! – фыркнула она. – Да этот мужчина посмотрел на тебя так, что мир вокруг сдвинулся.

Она театрально кивнула на дверь:

– И он ещё вернётся. Вот увидишь. Такие мужчины не говорят просто так.

Попыталась вернуться к работе. По-настоящему попыталась: взяла ножницы, подрезала стебли, проверила воду в вазах, начала раскладывать хризантемы по высоте. Но пальцы едва держали инструмент, а мысли раз за разом возвращались вовсе не к цветам, а к нему — к его рукам, сильным, тёплым, уверенным, чуть шершавым; к тому, как он держал мою ладонь дольше, чем нужно; к тому, как сказал моё имя, будто оно ему понравилось слишком сильно.

«Это не последняя наша встреча».

От этих слов внутри что-то дрогнуло, тихое, глубокое, непривычное, как если бы какая-то давно замёрзшая часть меня впервые за долгое время почувствовала тепло. Я поправляла ленты, когда поймала себя на том, что смотрю на дверь, просто смотрю, неосознанно, жду шагов, слышу, как кто-то проходит мимо на улице, и сердце делает лишний удар. Нет. Нет, Алиса. Успокойся.

Я выдохнула, заставляя себя сосредоточиться на букете.

Но стоило пальцам тронуть нежные лепестки, как всплывал его голос – низкий, спокойный, чуть хриплый.

«Как ангел.»

Чёрт.

Мария пару раз бросала на меня подозрительные взгляды, но не задавала вопросов – и слава Богу.

Последние пару часов я работала почти механически, тело действовало само, а голова жила отдельной жизнью, возвращаясь к мужчине в идеально сидящем костюме, от которого у меня до сих пор немного дрожали колени.

Когда день начал клониться к вечеру, поток клиентов чуть стих, витрина приобрела аккуратный законченный вид, и я наконец выключила рабочие лампы.

– Всё, на сегодня хватит, – сказала я, расправляя спину. – Завтра с утра соберём пробный свадебный букет, он должен отстояться.

– Отлично, – Мария вытянулась, как кошка. – И… пожа-

луйста, скажи, что этот мужчина вернётся. Потому что я к этому морально не готова, но хочу быть первой, кто увидит продолжение.

Я закатила глаза, натягивая лёгкую куртку.

– Мария…

– Что «Мария»? Не смей отрицать! Ты весь день была не здесь, а где-то у него на плечах. – Она драматично приложила ладонь к сердцу. – Это не критика. Это факт.

Да… возможно, она была права. Немного.

– Увидимся утром, – сказала я и погасила основной свет.

Вечерняя Филадельфия встретила меня мягким светом витрин и прохладой воздуха. Ритм шагов обычно успокаивал, но сегодня мысли снова уносили меня туда, где мужской голос произносил моё имя так, будто это уже было чем-то личным.

Через полчаса я вошла в дом. Вера накрывала на стол, что-то простое, тёплое, домашнее. Запах тушёных овощей заполнил кухню, и всё внутри меня медленно расслабилось.

– Устала? – спросила она, оборачиваясь.

– Хорошо устала, – ответила я искренне. – Приятно устала.

– Это самое главное, – Вера улыбнулась и поставила тарелку передо мной. – Приятного аппетита, Лис.

Мы ели, болтали о магазине, о её новом увлечении сериалами, она жаловалась на актёра, который «играет как картонка», и я смеялась.

И это был тот самый уютный вечер, который возвращает дыхание в правильный ритм.

Но когда мы сели на диван выпить чаю, мысли снова ускользнули…

К широким плечам.

К взгляду, который смотрел прямо в меня.

Не скользил, не искал обходных путей. Он держал — уверенно, так, что отступить не возникало даже в мыслях.

В этом взгляде не было вопроса. Было знание. Тихое, плотное, обволакивающее, словно он видел не только лицо, но и всё, что я привыкла прятать глубже.

К рукам, что держали мои. К словам: «до встречи, Алиса». Вера этого не заметила. И, может быть, это было к лучшему.

Ночь наступила быстро, почти незаметно, сгущаясь за окнами и стирая остатки дневного света. Я легла, выключила свет, зарылась в тёплое одеяло. Сон пришёл почти сразу — но не пустой. Не страшный. И совсем не такой, как утренний кошмар.

Сначала — тихий шорох, едва различимый, короткий, на грани слышимости. Потом — тепло.

Светлый воздух — разреженный, прозрачный — наполнял пространство, словно я дышала не сном, а покоем.

А затем – руки.

Сильные.

Крепкие.

Они обнимали меня со спины — уверенно, властно, бе-

режно. Не сжимали и не давили, а удерживали так, как держат то, что принадлежит и что нельзя потерять. Это было объятие без суеты, без лишних движений, в котором не оставалось места сомнениям.

Одна ладонь лежала на моей талии, точно зная границу, другая — на животе, удерживая меня в равновесии, не позволяя отступить или осесть. Пальцы были тёплыми, сильными, и это тепло медленно разливалось внутри, вытесняя остатки холода.

Тело к телу, горячее, плотное, надёжное. Я не видела лица, оно оставалось вне поля зрения, скрытое тенью. Ощущение было таким, что я полностью помещалась в эти руки, без остатка. За мной стоял человек, который никого бы не подпустил близко, кроме меня. Он наклонился едва, его дыхание коснулось моей шеи, медленное, тёплое.

И я… я не испугалась.

Наоборот — расслабилась, позволив себе опереться на эту силу, довериться этим рукам так естественно, словно знала их всегда. Словно именно их и ждала всё это время, даже не понимая — чего именно не хватает.

И в этом странном, необъяснимом спокойствии было что-то пугающе правильное.

Сон расплылся, утратил чёткие границы, стал мягче и теплее, обволакивая и постепенно уводя всё лишнее на задний план.

И я провалилась в него полностью.

Глава 3

В комнате не было резких звуков, воздух оставался неподвижным, а свет проникал сквозь окна ровно, не меняя оттенков. Всё вокруг существовало медленно, без спешки, как если бы день ещё не решил вступать в свои права.

Без криков во сне.

Без тьмы, режущей изнутри.

Я проснулась не от того липкого ужаса, который так часто выдирал меня из сна, а от мягкого, почти странного ощущения тепла – словно тело ещё помнило объятие, которого на самом деле не было. Я какое-то время просто лежала, глядя в потолок, слушая, как тихо тикают часы на тумбочке, и пыталась понять, что именно меня разбудило.

И вспыхнуло.

Не картинкой – ощущением.

Руки. Мужские. Тёплые, крепкие, сжимающие талию. Тяжесть сильного тела за спиной. Медленное, спокойное дыхание у шеи. Та самая уверенность в этом объятии, когда внутри становится так спокойно, что кажется: можно перестать держать мир на плечах, он сам как-нибудь справится.

Сон.

Это был всего лишь сон.

Но впервые с тех пор, как я очнулась после комы, он не был кошмаром. Не было ни крика, ни удара, ни того обры-

вочного ужаса, от которого сердце уходило в пятки. Только тепло. Только руки. Только ощущение, что меня держат так, словно я – что-то важное.

– Прекрасно, – пробормотала я, переворачиваясь на бок. – Теперь ещё и это.

Встала не сразу. Посидела на краю кровати, опустив ноги на холодный пол, и улыбнулась самой себе – чуть иронично.

Неужели это всё… из-за него?

Мужчина в идеально сидящем костюме, с тем самым взглядом, от которого у меня дрожали пальцы. Мужчина, которого я знаю… как его зовут. Как звучит его голос. Как смотрят его глаза. Как ложится его рукопожатие на кожу. И всё.

Одна короткая встреча. Пятно от кофе. Пара фраз. И мой мозг уже дорисовал остальное.

– Алиса, тебе определённо не хватает мужчины, – вздохнула я, поднимаясь. – Раз уж твоя психика выдала такое после тридцати секунд разговора.

Пока я стояла под душем, тёплая вода стекала по коже, а мысли упрямо возвращались к тому, как он сказал моё имя. Как держал мою руку чуть дольше, чем нужно. Как смотрел – не просто на меня, а словно внутрь.

Я поймала себя на том, что повторяю про себя: «Арид» – и тут же поморщилась.

Это просто мужчина. Очень видный мужчина, да. Так, что даже Мария чуть не умерла эмоционально. Но всё равно –

обычный человек. С костюмом, шармом и уверенностью. А то, что мне приснились чьи-то руки… ну, это не конкретно его руки. Это… просто мозг решил напомнить, что я не робот.

От этой мысли стало немного легче. И в то же время – страннее.

Я оделась чуть внимательнее, чем обычно – не специально, просто руки сами потянулись к платью, в котором я чувствовала себя женственнее: мягкая ткань, подчёркнутая талия, легкий, ненавязчивый вырез. Волосы собрала, но оставила пару прядей распущенными, чуть подчёркивая лицо.

Поймала своё отражение в зеркале в прихожей, задержалась на секунду и усмехнулась:

– А если я вообще больше никогда его не увижу? – сказала я себе, качнув головой. – И кого я тут собираюсь впечатлять… цветы в магазине?

Мысль оказалась такой здравой, что я сама же над собой рассмеялась.

На кухне Вера оставила мне записку и контейнер с запеканкой – ей надо было в супермаркет и по делам. Я выпила кофе, надела лёгкую куртку и вышла из дома.

Утренний воздух был свежим, прохладным, но не колючим. Я шла по уже знакомому маршруту, слушая, как город просыпается. Филадельфия за эти месяцы стала не только декорацией, а чем-то вроде мягкого фона, на котором играла моя новая жизнь. Машины, перекличка сигналов, запах

кофе из уличных точек, смех двух студенток позади, чей-то быстрый шаг – всё это было… правильным.

И где-то между одним кварталом и другим мысли снова вернулись к ночному сну.

Неужели это правда из-за него?

Из-за этого странного, властного мужского «я уже решил» и «это не последняя наша встреча»?

Я вспомнила, как его пальцы сомкнулись на моей ладони, как под кожей пробежала горячая искра, как внутри что-то откликнулось, слишком живо, слишком остро для человека, который два года не был в реальности. Я вздохнула, покачав головой. Конечно, на меня это подействовало. Я не слепая, не мёртвая, не сделанная из льда. Он был красивым, сильным, опасно спокойным.

И с таким взглядом, от которого, кажется, вянут не только цветы, но и чужие принципы.

И всё равно мысль о том, что после одной встречи мой мозг уже создаёт объятия во сне, показалась настолько абсурдной, что я невольно улыбнулась шире.

– Алиса, тебе пора серьёзно подумать о личной жизни, – пробормотала я вполголоса. – Иначе скоро будешь влюбляться в тех, кто просто спросил дорогу.

От этой фразы мне стало неожиданно легко. Смешно.

Поймала себя на том, что иду чуть быстрее, что внутри стало светлее, что день кажется обещающим. Даже если я никогда его больше не увижу – эта встреча уже стала малень-

ким, странным, но тёплым толчком. Как напоминание: я живая женщина. Я всё ещё могу реагировать. Я всё ещё могу хотеть.

Когда до моего магазина осталось всего несколько шагов, я уже мысленно переключалась на список заказов на сегодня. Вспоминала, кто должен зайти, сколько свадебных композиций нужно подготовить к выходным, и думала о том, не заказать ли новые сорта эустомы.

Повернула за угол, и передо мной открылась знакомая стеклянная витрина "Lily & Bloom". Сначала я увидела отражение улицы, потом контуры букетов, аккуратно выставленных по периметру, потом силуэт, чужой, мужской. Я остановилась, не доходя до двери, и взглянула внимательнее сквозь стекло.

Он стоял у стойки, развёрнутый вполоборота, широкие плечи под тёмным пиджаком казались ещё массивнее в мягком световом пятне. Одна рука лежала на прилавке, другая – в кармане. Профиль – резкий, знакомый. Линия подбородка, скулы, тот самый аккуратный изгиб губ, который больше намёк, чем улыбка.

Арид.

Сердце дёрнулось так резко, что воздух на секунду застрял в горле. Я не успела даже придумать, как нужно сейчас выглядеть, что сказать, как сделать вид, что мне всё равно. Единственное, на что меня хватило, — сделать вдох. И шагнуть к двери.

Когда я толкнула дверь магазина, меня сразу встретил привычный запах – свежих роз, влажной зелени, нотка эвкалипта. Обычно этот аромат мгновенно заземлял, возвращал в мой уютный, спокойный мир.

Но сегодня… он конкурировал с чем-то куда сильнее.

С взглядом.

Арид стоял у прилавка, пространство подстроилось под него. Плечи под тёмным пиджаком казались ещё массивнее в мягком свете. Одна рука лежала на поверхности спокойно, другая в кармане. Профиль резкий, знакомый, линия подбородка, скулы, тот самый аккуратный изгиб губ, больше намёк, чем улыбка. Он поднял глаза на меня.

У меня дрогнули колени, так явно, что я едва не почувствовала в них собственный пульс. Но я всё же выдавила дыхание и заставила себя сделать шаг вперёд.

– Арид… – голос предательски охрип. – Я… удивлена тебя видеть.

На его губах появилась та самая улыбка – едва заметная, чуть кривая, опасно спокойная. Улыбка мужчины, который знает, что его появление произведёт эффект.

– Я же говорил, – произнёс он уверенно, – что это не последняя наша встреча.

Сердце сорвалось с ритма.

Мария где-то за стеллажами замерла, как маленький разведчик, но я не смотрела в её сторону. Мой мир сейчас ограничивался одним человеком.

Арид сделал шаг ко мне – не быстро, но так, что расстояние стало ощутимым.

– Я пришёл, чтобы выполнить обещание, – сказал он спокойным, уверенным голосом. – Тот самый кофе, что я тебе должен.

– Сейчас? – спросила я, не понимая – то ли мне страшно, то ли слишком… волнительно.

– Если ты свободна, да, – произнёс он. – Но если нет… – его голос стал чуть ниже, – я могу зайти вечером.

Я почувствовала, как что-то внутри сжалось. Я почти не знала этого мужчину. Двадцать минут разговора. Случайная встреча. Пара взглядов.

И при этом… он словно держал меня уже в руках.

— У меня много заказов, — сказала я, чуть сжав пальцы, словно это простое движение могло придать словам вес. — Я… сегодня загружена.

Фраза прозвучала почти деловито, но внутри она была хрупкой, наспех собранной из необходимости отступить.

Его улыбка стала глубже — не шире, а именно глубже, как если бы он понял больше, чем я сказала вслух.

– Тогда вечером, – спокойно произнёс он. – Я зайду за тобой.

– Вечером… – повторила я глухо, потому что мысли путались, как ленты в ветре. – Я не знаю…

– Алиса, – он слегка наклонил голову, и его взгляд стал теплее, но по-мужски настойчивым. – Это всего лишь кофе.

Пауза.

– Ну… максимум ужин – сказал он с лёгким, едва слышным смешком, который всё равно резанул меня током.

Он шутил.

Но в этой шутке уже чувствовалась стальная линия решения — та самая, которую не произносят вслух, потому что она и так понятна.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь, чуть, нерешительно, но искренне. Да, может быть, пора. Пора перестать бояться всего вокруг, пора хотя бы попытаться вернуть себе что-то человеческое, женское, живое. Пора жить.

– Хорошо, – сказала я. – Вечером… да. Я согласна.

Арид не двинулся, он просто смотрел так, что по коже пробежало тепло.

– Во сколько ты будешь свободна? – спросил он.

– В семь, – прошептала я. – Думаю… к семи закончу.

– Значит, в семь, – подтвердил он, как решение, которое уже выполнено. – Я заеду за тобой.

– Я буду ждать, – сказала я, и голос дрогнул легче воздуха.

Он приблизился ещё на полшага, настолько, что я почувствовала его запах, холодный, мужской, насыщенный. Его взгляд мягко скользнул по моим глазам, задержался на губах, потом снова поднялся, и он произнёс тихо, так близко, что это прозвучало почти интимно:

– Я буду ждать сильнее.

Эта фраза прошла по моей коже горячей волной.

Он посмотрел на меня последний раз – как мужчина, который уже всё для себя решил, – развернулся и вышел.

А я всё ещё стояла на месте, чувствуя, как сердце выбивает новый, незнакомый ритм: Семь часов. Он придёт.

Эта мысль сидела внутри, как вибрация под кожей – тихая, но отчётливая, сердце уже заранее подстраивалось под новый ритм. Я стояла у рабочего стола, пытаясь собраться, когда сзади раздался резкий вздох-писк Марии – настолько громкий, что я едва не уронила ленту.

– О. Боже. ДА! – она схватилась за голову, словно увидела чудо. – Ты ЭТО сделала! Ты реально это сделала! Ты согласилась на ужин с мужчиной… – она подняла палец вверх, – и не просто мужчиной… а с таким мужчиною, что мои колени дрожат просто от воспоминаний о его голосе!

– Мария… это всего лишь одна встреча.

– С этого, дорогуша, всё и начинается, – она подалась вперёд, как заговорщица. – Сначала кофе… потом ужин… потом страсть… потом секс, такой, что стены будут дрожать…

– Мария! – я подавилась воздухом, чувствуя, как щеки вспыхнули.

Она расхохоталась, довольная собой до неприличия.

– Ну что? Я только озвучила то, что вселенная уже запланировала! – Она покачала головой, хлопнув ладонями по стойке. – Ты даже не видишь, как ты светишься сейчас. Как если бы кто-то включил дополнительный светильник внутри тебя.

Я попыталась сдержать улыбку, но она всё равно прорвалась – тихая, настоящая.

– Хватит романтизировать, – выдохнула я, пытаясь вернуть голосу строгость, которой у меня уже не было. – Давай работать.

Мария одарила меня мягким, неожиданно тёплым взглядом.

– Я правда рада за тебя, Алиса. – Она сказала это без своего привычного пафоса, почти серьёзно. – Искренне. Знаешь… мне хочется верить, что он может оказаться тем самым. А если нет – пусть хотя бы станет тем, кто напомнит тебе, что ты живая. И что ты имеешь право на счастье. На интерес. На… тепло.

Моё сердце сделало тихий, тёплый толчок, я сглотнула и отвела взгляд, снова беря в руки стебель лилии.

– Давай работать, – повторила я. – Иначе я точно с ума сойду до семи.

Мария улыбнулась так, словно знала больше, чем говорит.

И мы обе вернулись к делам…

Но внутри меня уже жило другое ожидание.

Вечер подкрался почти незаметно – стрелка часов тянулась к семи, а Мария собиралась так, словно готовилась к отъезду в другую страну.

– Всё, Алиса, я пошла! – она бросила в сумку планшет и накинула куртку. – И желаю тебе… всего. ВСЕ-ГО. От неприлично вкусного ужина до жаркого секса, чтоб ты зав-

тра пришла и даже на розы смотреть не смогла!

– Мария! – я чуть не подавилась воздухом, но смех всё равно прорвался наружу. – Иди уже домой!

– Да-да, ухожу! – она счастливо засияла. – Но если он окажется скучным – я официально буду разочарована во вселенной!

Я смеялась, махнула ей рукой, и дверь закрылась. Тишина сразу стала слишком густой, и я осталась одна со своими мыслями, со своим волнением.

С этим странным, горячим, тихим ожиданием под кожей — плотным, сосредоточенным, будто оно не возникло, а всегда было во мне и просто проснулось. Оно не требовало действий и не просилось наружу, лишь удерживало изнутри, собирая тело в одну точку, заставляя дыхание идти медленнее, глубже.

Прислонилась к рабочему столу и закрыла глаза, позволяя этому ощущению быть. Не анализировала. Не останавливала.

Первое свидание.

Первое за всё время, что я живу в Филадельфии.

Мужчины были — заходили, смотрели, улыбались, оставляли визитки, делали намёки, иногда слишком прямые, иногда слишком аккуратные. Но ни один из них не проходил сквозь меня так. Ни один не заставлял тело реагировать раньше мыслей.

Так глубоко.

Казалось, где-то внутри меня жила часть, замёрзшая на годы…

И чёрт бы её побрал, но Арид заставил её проснуться за секунду.

Приглушила свет, убрала последние стебли, аккуратно подрезала свежие розы, чтобы они пережили ночь. Движения были точными, выверенными до миллиметра — теми самыми, которые я выполняла сотни раз и которые не требовали участия мыслей.

Руки работали автоматически, а сердце — нет.

Оно сбивалось с ритма, отдавалось в висках, билось слишком громко, будто пыталось достучаться до меня сквозь привычную тишину магазина. Словно предупреждало, что за внешним спокойствием скрывается нечто другое — то, что нельзя игнорировать.

Я взглянула на часы.

6:58.

Выдохнула, ощущая, как напряжение медленно сходит с плеч, но не исчезает до конца, а просто отступает глубже — туда, где его труднее заметить.

Зачем я так переживаю, если вокруг всё выглядит спокойно и ничто не указывает на опасность? Это просто ужин, просто кофе, просто мужчина. Мужчина, чей голос всё ещё удерживается в памяти, отдаваясь странным, трудноуловимым напряжением вдоль спины. Мужчина, чьи руки снились мне ночью. Я потянулась к выключателю. В этот момент пе-

ред магазином тихо остановилась машина, без резкого звука, без суеты. И не просто машина, шикарная, чёрная, с гладкой линией кузова, тот тип автомобилей, которые не покупают случайно. Я замерла у окна.

Дверь открылась без звука, и он вышел — не спеша, уверенно, так, словно пространство уже заранее расступилось перед ним. Движение было выверенным, спокойным, лишённым суеты, и в этом спокойствии чувствовалась власть. Костюм темнее вечернего неба подчёркивал чёткие линии фигуры, широкие плечи держали осанку человека, который привык входить первым и уходить последним. Его шаг был ровным, сильным, точным — не демонстративным, но таким, который невозможно не заметить. Он поднял глаза на витрину, и когда взгляд встретился с моим, всё внутри отозвалось жаром, будто за спиной одновременно вспыхнули десятки роз, наполняя воздух напряжением, от которого стало трудно дышать.

Господи.

Да, наверное, у него отличная работа… Хорошая. Только такой мужчина может позволить себе такую машину.

Но деньги меня никогда не волновали.

Опыт учил: люди, у которых слишком много возможностей, редко бывают добрыми, потому что им не нужно быть мягкими, чтобы получать желаемое.

И я тихо подумала: Пожалуйста… пусть он не из них.

Он вошёл в магазин. Тихий звон колокольчика дрогнул в

воздухе.

Я обернулась к нему полностью.

— Привет… — сказала я, делая усилие, чтобы голос прозвучал ровно и не выдал паузу дольше необходимого.

Уголок его губ чуть поднялся.

– Ты готова? – спросил он.

– Да… – я сглотнула. – А куда мы… пойдём пить кофе?

– Поедем. – Он сделал шаг ближе. – Я знаю одно тихое место. Хороший ресторан. Там готовят отлично, и кофе у них… правильный.

Я неосознанно напряглась — всего на миг. Плечи едва заметно ушли назад, пальцы сжались, дыхание стало короче. Я сама не успела это отследить, но он — да. Его взгляд задержался ровно на секунду дольше, чем раньше, шаг замедлился, а корпус чуть повернулся ко мне, перекрывая пространство. Он ничего не сказал сразу — просто заметил. Принял. И дал понять, что контроль всё ещё у него.

И добавил мягче:

– Не бойся. Это недалеко. Десять минут езды.

– Хорошо… тогда… да.

– Тогда пойдём, – сказал он так спокойно, вечер уже принадлежал ему. – Я жду тебя.

Я выключила свет и прошла к двери. Он придержал её для меня лёгким, но властным жестом. Я закрыла магазин на ключ и спрятала его в сумку.

Он подошёл к машине, открыл передо мной дверь и дер-

жал её, пока я не села. Я остановилась на секунду, посмотрела на его профиль, на чёткую линию челюсти, на спокойную, собранную посадку головы, на плечи, которые не делали лишних движений, в нём всё было уже решено заранее.

Даже в пол-оборота он выглядел как мужчина, привыкший контролировать пространство вокруг себя, не демонстративно, а естественно. Сила исходила от него даже в мелочах, в том, как он держал дверь, как стоял, как ждал, не подгоняя и не сомневаясь, что я сяду.

И это спокойствие пугало сильнее любой резкости. «Не будь трусихой», сказала я себе, собирая остатки самообладания. Я села внутрь. Он закрыл дверь, обошёл машину и сел рядом.

И в этот момент я поняла — мой вечер уже никогда не будет таким, как раньше.

Я ещё не знала, чем он закончится, но чувствовала это телом: в напряжённом дыхании, в слишком остром внимании к каждому движению, к каждой секунде.

Ресторан был не громким и не пафосным – наоборот. Тихий, с мягким, рассеянным светом, который не бил в глаза, а ложился на столы ровно и спокойно. В воздухе чувствовался лёгкий запах свежего хлеба и розмарина — не навязчивый, едва уловимый, создающий ощущение уюта, а не показной роскоши. Разговоры вокруг были приглушёнными, словно здесь инстинктивно говорили тише, чем где бы то ни было.

Это было то место, куда не приводят кого-то случайного.

И не приводят «для эффекта».

Арид держал дверь передо мной так, что это выглядело естественно, он словно привык защищать пространство вокруг женщины, которую ведёт.

Он не торопился. Не оглядывался.

И в каждом его движении чувствовалась уверенность человека, который знает – он контролирует ситуацию.

Мы прошли к столику у окна, где свет падал мягкими полосами на белую скатерть.

Он подвинул мне стул – без лишнего жеста галантности, просто… правильно.

– Закажешь что-то? – спросил он спокойно.

— Только кофе, — мягко ответила я после короткой паузы. — Спасибо.

– Уверена? После работы нужен ужин. – Он посмотрел на меня так, что спорить стало сложно.

Не строго.

Не давя.

Но вот это его «я сказал» чувствовалось в каждом слове.

— Хорошо, — выдохнула я после короткой паузы. — Лёгкий.

Он удовлетворённо кивнул и позвал официанта.

Мне принесли пасту и кофе, поставив тарелку и чашку передо мной. Ему — мясо и бокал красного.

– Вино? – предложил он.

— Нет… спасибо. Я чуть улыбнулась, коротко, сдержанно, и едва заметно качнула головой. Ладонь легла на край стола, словно фиксируя решение. — Не сегодня.

– Как скажешь.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Он не спешил отводить взгляд, не заполнял паузу словами. Просто держал её. Я сделала глоток кофе, больше для того, чтобы занять руки, чем потому, что хотела пить. Чашка тихо коснулась блюдца. Сердце билось ровно, но слишком отчётливо. Это молчание не давило — оно прощупывало, медленно, внимательно, как проверяют глубину перед шагом вперёд.

Он слегка наклонился вперёд, локтем касаясь стола.

– Расскажи о себе, Алиса.

– Вы… ты и так уже знаешь многое. Цветы – это моя жизнь. Цветочный магазин – всё, что мне нужно. А живу я с тётей.

– С тётей? – Он поднял бровь. – Почему?

Я чуть напряглась, но не так сильно, как боялась. С ним почему-то было проще говорить.

– Мама умерла очень давно… – сказала я мягко. – А папа… живёт далеко. И тётя одна. Я не могу её оставить.

Он смотрел внимательно. Без жалости – и за это внутри у меня всё расслабилось.

– Понимаю, – сказал он коротко. – Семья – это то, что не оставляют.

Что-то тёплое проскользнуло в его голосе, почти незамет-

но, но я это почувствовала. Я уже дышала ровнее, руки перестали дрожать, движения выровнялись и стали точнее, сердце больше не прыгало в горло.

И я сама решилась спросить:

– А ты? Чем занимаешься?

Он откинулся чуть назад, медленно, уверенно.

– Работаю в ФБР.

– В… ФБР?

Слова вышли медленнее, чем мысль. Я замерла, так и не донеся чашку до губ, пальцы на мгновение потеряли тепло. Внутри что-то щёлкнуло.

– Да, – уголок губ чуть поднялся. – Удивлена?

– Немного… – я не смогла скрыть улыбку. – Ты совсем не похож на… ну…

– На агента? – подсказал он.

– Да.

Он тихо рассмеялся – коротко, очень приятно.

– Надеюсь, ты не какая-нибудь преступница, скрывающаяся под другим именем? – сказал он с совершенно серьёзным лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.